Серия «МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ»

О'Генри. Конан-Дойль.

Роковой сундук
Мамона и амур
Три корреспондента

Выпуск I.

1948

Мамона и Амур
О. Генри

Аннотация
<О'Генри>. МАМОНА И АМУР

Аннотация

Старый Энтони Рокуол, сделавший капитал на варке мыла, убежден, что нет ничего, что нельзя было бы купить за деньги.

Но разве можно купить любовь? Или время?

<О'Генри>
МАМОНА И АМУР

Старый Энтони Рокуол, удалившийся от дел собственник большого мыловаренного завода «Эврика», выглянул из окна библиотеки своего особняка на Пятой Авеню и ухмыльнулся. Его сосед справа — посетитель аристократических клубов Дж. Ван Сафолк-Джоунз — вышел из дома, направляясь к своему автомобилю, морща по своему обычаю ноздрю, подобно скульптуре в стиле итальянского ренессанса, образец которой находился у самого его дворца.

— Старая статуя бездельника! — заметил бывший мыльный король. — Однако он скоро попадет на тот свет, если не побережется. Будущей весной я выкрашу свой дом в красный, синий и белый цвета и посмотрю: не заставит ли это задрать его свой голландский нос еще выше, чем теперь.

А затем Энтони Рокуол, никогда не доверявший звонкам, подошел к двери библиотеки и тем самым голосом, который некогда срывал куски неба над прериями Кэнсэса, закричал:

— Майк!

— Скажи моему сыну, — сказал Энтони отозвавшемуся лакею, — чтобы он зашел сюда, прежде чем уйдет из дома.

Когда молодой Рокуол вошел в библиотеку,

старик отложил в сторону свою газету, взглянул на него с нежной суровостью на своем крупном, гладком, красном лице, взъерошил клок седых волос одной рукой и загремел ключами в своем кармане — другой.

— Ричард, — спросил Энтони Рокуол, — сколько ты платишь за мыло, которым ты моешься?

Ричард, находящийся дома только в течение шести месяцев после окончания колледжа, слегка вздрогнул. Он еще не привык к своему повелителю, который был полон всякого рода неожиданностями, как девушка на своем первом балу.

— Я думаю, папа, что шесть долларов за дюжину.

— А за свои костюмы?

— Я полагаю, что около шестидесяти долларов, как правило.

— Ты джентльмен, — решительно сказал Энтони. — Я слышал о некоторых молодых отпрысках, тратящих двадцать четыре доллара на дюжину мыла и свыше сотни долларов на одежду. Ты мог бы тратить столько же, сколько и они, но ты, однако, держишь себя в рамках приличия и умеренности. Я лично употребляю мыло «Эврика» — не только из-за сентиментальности, но

просто потому, что это самое чистое мыло изо всех сортов, имеющихся на рынке. Если ты платишь за кусок мыла больше десяти центов, то ты покупаешь скверную парфюмерию и красивые этикетки. Но пятьдесят центов — это вполне прилично для молодого человека твоего происхождения, положения и состояния. Как я уже сказал — ты джентльмен. Говорят, что требуется три поколения, чтобы создать джентльмена. Это не совсем так. Деньги делают все это скользким, как мыльный жир. Они сделали такового и из тебя. Чорт возьми! Они почти сделали джентльмена и из меня. Я почти в такой же степени невежлив, неприятен и имею дурные манеры, как и эти два старых голландских джентльмена, живущих по обе стороны от меня и лишившихся ночного покоя только потому, что я купил этот участок между ними.

— Есть некоторые вещи, которых за деньги не достанешь, — заметил довольно мрачным тоном молодой Рокуол.

— Ну, не говори так, — ответил потрясенный старый Энтони. — Я всегда готов держать пари на стороне денег. Я просматривал энциклопедию в поисках чего-нибудь, чего нельзя было бы купить за деньги: на следующей неделе я ожидаю

получить к ней добавление. До сих пор я ничего не нашел. Я сторонник денег. Назови мне что-нибудь, что за них нельзя было бы купить.

— Например, — ответил Ричард, слегка помедлив, — с их помощью нельзя проникнуть, как равному, в избранные круги общества.

— Ого! Нельзя? — загремел сторонник корня зла. — Скажи мне: где были бы твои избранные круги общества, если бы первый Астор не имел бы денег заплатить за свой переезд через океан?

Ричард вздохнул.

— И это то, к чему я теперь перехожу, — продолжал уже менее шумно старик. — Вот почему я и просил прийти тебя сюда. С тобой происходит что-то неладное, мой мальчик. Я замечаю это уже в течение двух недель. Отгони это прочь. Я думаю, что в течение двадцати четырех часов я смог бы наложить свою руку на одиннадцать миллионов, не считая недвижимой собственности. Если у тебя неладно с печенью, так там в бухте тебя ожидает моя яхта «Рэмблер», под парами и с запасом угля, могущая в два дня достичь Багамских островов.

— Недурное предложение, папа, ты лишь немного ошибся.

— А как ее зовут? — проницательно спросил

Энтони.

Ричард начал ходить взад и вперед по библиотеке. Его старый отец внушал ему значительную долю симпатии и товарищества, вызвавшую у Ричарда чувство доверия к нему.

— Почему ты не сделаешь ей предложения? — потребовал старый Энтони. — Она прямо прыгнет на тебя. У тебя есть деньги, привлекательная наружность и ты порядочный малый. Твои руки незапятнаны. Они не испачканы в мыле «Эврика». Ты был в колледже, но этого она не оценит.

— У меня не было удобного случая, — ответил Ричард.

— Создай его, — сказал Энтони. — Пригласи ее прогуляться в парк пешком или верхом или проводи ее из церкви домой. Удобный случай! Тьфу!

— Ты не знаешь условий ее жизни, папа. Она как будто бы плывет в потоке, швыряющем ее туда и сюда. Каждый час и даже минута ее жизни расписаны на несколько дней вперед. Я должен иметь эту девушку, папа, иначе этот город станет для меня навсегда мрачным болотом. И я не могу ей написать — я не могу этого сделать.

— Ну, — сказал старик. — Ты хочешь мне сказать, что, несмотря на все мои деньги, ты не можешь добиться того, чтобы эта девушка прове-

ла бы с тобой час или два наедине?

— Я начал действовать в этом направлении слишком поздно. Послезавтра в полдень, она предполагает отправиться в Европу, где она намерена остаться год или два. Я должен повидаться с ней наедине в течение нескольких минут завтра вечером. Сейчас она находится в Ларчмонте у своей тетки. Туда я отправиться не могу. Но мне разрешено встретить ее завтра вечером с экипажем на большом центральном вокзале: она приедет с поездом в 8.30. Мы галопом помчимся по Броудуэю в театр Уолэка, где ее будут ждать мать и остальная компания. Ты думаешь, что она будет слушать мои объяснения в любви в течение тех шести или восьми минут, имеющихся в моем распоряжении при подобных обстоятельствах? Нет! А на какой удобный случай мог бы я рассчитывать в театре или после него? Нет, папа, это такой клубок, который твои деньги не могут распутать. Мы не можем купить ни одной минуты времени за наличные; если бы это было возможно, богатые люди жили бы дольше. Нет никакой надежды найти время для разговора с мисс Лэнтри до ее отъезда.

— Ладно, Ричард, мой мальчик, — весело сказал старый Энтони. — Теперь ты можешь бежать

в свой клуб. Я рад, что у тебя с печенью все в порядке. Но не забывай время от времени сжигать куренья перед кумирней бога Мацума. Ты говоришь, что на деньги нельзя купить времени? Ну, конечно, ты не можешь приказать, чтобы за определенную цену тебе завернули бы отрезок времени и прислали бы его к тебе на квартиру: но я видел, что время сильно замедляет свои шаги, — как будто бы его подошвы становятся каменными, — когда оно шагает по рассыпанному золоту.

Вечером пришла тетя Эллен — нежная, сантиментальная, сморщенная, вздыхающая, подавленная богатством; она помешала брату Энтони читать вечернюю газету и начала разговор на тему о клятвах любовников.

— Он мне уже все рассказал об этом, — зевая, сказал брат Энтони. — Я ответил ему, что мой текущий счет в банке — к его услугам. И тогда он начал поносить деньги — сказал, что деньги не могут помочь; сказал, что правила высшего общества не могут быть поколеблены даже за капитал десяти миллионеров.

— О, Энтони, — вздохнула тетя Эллен. — Я бы хотела, чтобы ты не думал так много о деньгах. Богатство — это ничто там, где затронуто чувство.

Любовь — всемогуща. Если бы он только поговорил с ней раньше. Она не смогла бы отказать нашему Ричарду. Но теперь, я боюсь, что это уже слишком поздно. У него не будет удобного случая поговорить с ней. Все твое золото не сможет принести счастья твоему сыну.

На следующий вечер в восемь часов тетя Эллен взяла старинное золотое кольцо из поеденного молью ящика и протянула его Ричарду.

— Надень его сегодня вечером, племянник, — попросила она. — Его дала мне твоя мать. Она сказала, что оно приносит большую удачу в любви и просила меня передать его тебе, когда ты встретишь ту, которую полюбишь.

Молодой Ричард почтительно взял кольцо и примерил его на мизинец. Оно соскользнуло до второго сустава. Он снял его и по мужской привычке сунул в свой жилетный карман. Затем он вызвал по телефону свой экипаж.

На вокзале он поймал мисс Лэнтри, шедшую в толпе пассажиров, вышедших из поезда, который прибыл в 8.32.

— Мы не должны заставлять ждать маму и остальных, — сказала она.

— К театру Уолэка, как можно скорее! — покорно приказал Ричард кучеру.

Они помчались вверх по Сорок Второй улице по направлению к Броудуэю и вниз по переулку, украшенному белыми звездами, который ведет от мягких лугов заката к скалистым холмам утра.

На Тридцать Четвертой улице молодой Ричард открыл окошко и приказал кучеру остановиться.

— Я выронил кольцо, — извинился он и вылез на мостовую. — Это кольцо принадлежало моей матери, и я не хотел бы потерять его. Я задержу вас не больше чем на минуту — я видел, где оно упало.

Меньше чем через минуту он вернулся к экипажу с кольцом. Но в течение этой минуты большой городской фургон остановился непосредственно перед экипажем. Кучер попробовал объехать его слева, но там ему загородила дорогу большая грузовая телега. Он попробовал свернуть направо, но должен был отъехать немного назад из-за мебельного фургона, которому не следовало бы находиться там. Он попробовал отъехать еще назад, но выронил возжи и соответствующим образом выругался. Экипаж очутился в запутанном клубке других экипажей и лошадей.

Образовалась одна из тех уличных пробок, которые иногда совершенно неожиданно вдруг останавливают движение в больших городах.

— Почему вы не едете дальше? — нетерпеливо спросила мисс Лэнтри. — Мы же опоздаем.

Ричард выглянул из экипажа и посмотрел вокруг. Он увидел остановившийся поток телег, грузовиков, экипажей, фургонов и трамваев, заполняющих собою пространство в том месте, где Броудуэй, Шестая авеню и Тридцать Четвертая улица пересекают друг друга. А остальные экипажи все еще продолжали мчаться полным ходом по направлению к образовавшейся пробке и, присоединившись к этому клубку, останавливались, а голоса их кучеров вливались в общий гам. Казалось, что все движение Мэнхэттэна стало из-за этой пробки. Старейшие нью-йоркцы среди тысяч зрителей, столпившихся на тротуарах, никогда не были свидетелями уличной пробки такого масштаба.

— Я очень сожалею, — сказал Ричард, вновь усевшись на свое место, — но похоже на то, что как будто бы мы здесь застряли. Этот клубок распутается не раньше, чем через час. Это моя вина. Если бы я не уронил кольца, мы…

— Покажите мне кольцо, — сказала мисс Лэнтри. — Поскольку этому нельзя помочь, то я об этом не беспокоюсь. Я думаю, что театры во всяком случае глупы.

В одиннадцать часов вечера кто-то тихо постучал в дверь Энтони Рокуола.

— Войдите, — закричал Энтони, который был в красном халате и читал книгу о похождениях пиратов.

Оказалось, что это была тетя Эллен, имевшая вид седовласого ангела, по ошибке оставленного на земле.

— Они обручились, Энтони, — тихо сказала она. — Она обещала выйти замуж за нашего Ричарда. На их пути в театр образовалась уличная пробка, и прошло два часа, прежде чем экипаж смог выбраться из нее.

— И, о, брат Энтони, вперед не хвастайся могуществом денег. Маленькая эмблема истинной любви — маленькое кольцо, символизирующее бесконечную и бескорыстную любовь — было причиной того, что наш Ричард нашел свое счастье. Он уронил это кольцо на улице и вышел из экипажа, чтобы поднять его. И прежде, чем они могли продолжать свой путь, образовалась пробка в уличном движении. И в то время, как экипаж неподвижно стоял там, он говорил ей о своей любви и она ответила ему своей взаимностью. Деньги — дрянь по сравнению с истинной любовью, Энтони.

— Ладно, — сказал старый Энтони. — Я рад, что мальчик добился того, чего хотел. Я сказал ему, что не пожалею никаких расходов, в случае если…

— Но, брат Энтони, какую пользу могли бы принести твои деньги?

— Сестра, — ответил Энтони Рокуол. — Я оставил своего пирата в дьявольской беде. Его корабль только что получил пробоину, а он слишком ценит деньги, чтобы позволить им утонуть. Я бы хотел, чтобы ты дала мне возможность продолжать чтение этой главы.

Этот рассказ надо бы окончить здесь. Я так же, как и вы, читатель, хотел бы, чтобы этот конец был правдивым. Но чтобы узнать истину, мы должны спуститься в колодезь до самого дна.

На следующий день некая личность с красными руками и синим с крапинками галстухом, называющая себя Кэли, зашла в дом Энтони Рокуол и была немедленно принята в библиотеке.

— Ну, — сказал Энтони, вытащив свою чековую книжку, — это был добрый ящик мыла. Посмотрим — вы получили 5000 долларов наличными.

— Я доплатил еще 300 долларов из своих денег, — ответил Кэли. — Мне пришлось немного выйти за пределы сметы. Я нанимал грузовые

телеги и экипажи самое большее по 5 долларов; но грузовики и пароконные упряжки требовали с меня по 10 долларов. Автомобилисты хотели также по 10 долларов, а некоторые из тяжело нагруженных фургонов — 20 долларов. Дороже всего взяли полицейские — по 50 долларов; двоим из них я заплатил эту сумму, а остальным платил по 20 и 25 долларов. Но разве не прекрасно это было сделано, мистер Рокуол? Я рад, что Уилиэм Бриди не присутствовал на этой маленькой сценке с экипажами. Я бы не хотел, чтобы Уилиэм от ревности разбил бы свое сердце. Во всяком случае, он никогда бы больше не пришел в себя! Мальчик был как раз вовремя с точностью до доли секунды. Прошло два часа, прежде чем мимо памятника Грийли смогла бы проползти даже змея.

— Тысяча триста — вот вам, Кэли, — сказал Энтони, отрывая чек. — Ваша тысяча и триста перерасхода. Вы ведь не презираете деньги, не так ли, Кэли?

— Я? — ответил Кэли. — Я бы мог избить человека, изобретшего бедность.

Энтони окликнул Кэли, когда тот был уже у двери.

— А не заметили ли вы, — спросил он, — где-ни-

будь в этой пробке толстого голого мальчишку, пускавшего стрелы из лука?

— Нет, конечно, — ответил заинтригованный Кэли. — Я не заметил. Если бы он был таким, как вы говорите, может быть, его схватил полицейский прежде, чем я туда добрался.

— Я думаю, маленький негодяй не подвернулся ему под руку, — хихикнул Энтони. — До свидания, Кэли.